

Гуцалов А.А.

РУССКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД – ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЦЕННОСТИ, КУЛЬТУРА

Аннотация. В статье рассмотрена проблема русской цивилизации. Предложено определение цивилизационного кода, который усматривается во взаимосвязи трех составляющих – идентичности, ценностей и культуры. Идентичность рассмотрена на трех уровнях – индивидуальном, социальном и духовном. Предложена концепция русского гуманизма, которая призвана вернуть человеку гармоничную цельность в отношении всех способностей сознания и взаимосвязанного комплекса традиционных идентичностей. Теоретические выкладки позволяют сделать некоторые важные практические выводы и рекомендации в отношении культурной политики в России.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, цивилизация, русский гуманизм, духовность, цивилизационный код, патриотизм, ценности, культура, гражданская идентичность.

Обращаясь к проблемам определения цивилизации, мы сознательно отходим в сторону от рассмотрения противопоставления цивилизации и культуры, где конфликт с культурой «обозначает границы цивилизации» [4, с. 206]. Мы понимаем цивилизацию как фундаментальное социально-историческое образование, имеющее свой идентификационный стержень в базисной структуре идентичностей и надстраивающейся над ней системе ценностей. Культура по своему смыслу полностью определена данной структурой и определяет внешнюю формальную сторону цивилизации.

Мы также отходим от известной схемы рассмотрения, противопоставляющей цивилизацию, варварство и дикость как якобы поступательные ступени развития человеческого общества. И варварство, и дикость мы определяем как такие формы человеческого (или не совсем человеческого) общежития, которые порождают ненависть, желание обогатиться за счет других, ложь, несправедливость, конфликты и войны. С этой точки зрения, некоторые существующие

ныне формации, определяемые цивилизациями, оказываются в этой категории варварских образований.

Мы отходим от попыток обозначить особенное нашей цивилизации через обращение к языку, православной религии, разнообразным формам культуры, каким-то особым и чрезмерно, гротескно показываемым качествам характера человека (доброта, широта, щедрость) и его способностям (совесть, вера). Несмотря на то, что эти попытки стремятся обратить внимание на ряд характерных черт нашей цивилизации, они, будучи вырванными из общего контекста, создают искаженное представление о русском мире. Язык претерпевает изменение, религии меняются (на место древней ведической культуры Руси пришло христианство, которое может смениться и иной религией в будущем или дополниться иными религиями, что, собственно, и происходит в последние века), формы культуры не остаются прежними, но некие базисные основы нашего народа все равно остаются неизменными. И именно они и дают возможность сохранять свою идентичность, свои ценности, культурные смыслы и значения.

Мы исходим из признания того факта, что так называемый русский мир унаследовал очень древние духовные и культурные, общественные традиции и представлял собой с древних времен цивилизацию, понимаемую нами как особый мир общественного, культурного, духовного укладов с неким единым и неизменным смысловым фундаментальным идентификационным и ценностным основанием. Другое дело, что периоды роста сопровождались зачастую под влиянием внешних причин, войн и конфликтов спадом экономического, культурного развития. Но это принципиально не повлияло на фундаментальную основу, которая была заложена в гораздо более древние времена, нежели возникновение и приход христианства на нашу землю.

С этой точки зрения, современные религии не могут быть определяющими базисные основы цивилизации, как бы это ни звучало странно*. Зачастую происходит как раз обратное: религии, призванные трансформировать идентичность людей, оказываются неспособными это сделать. И тогда сами религии подстраиваются под существующую идентификационную основу народа, начиная играть уже второстепенную роль в данном контексте, как бы ни велика оказалась впоследствии внешняя роль данной религии в обществе. Мы можем увидеть это на примере появления существенных различий между православием (в разных его этнических формах), католичеством и многих протестантских движений, которые вышли из одного источника – новозаветного учения Христа.

В пределах России и русского мира есть разные религии и духовные или окоلودуховные движения, но, тем не менее, у людей на уровне базисных смыслов сохраняется все же единая система идентичностей. Мы, люди разных вероисповеданий, с легкостью утверждаем, что Бог один, один для всех, все мы дети одного и того же Бога, не осознавая, что тем самым вступаем в непримиримое противоречие с основами ислама, православия, католичества и прочих религиозных систем, в рамках которых Абсолютный Бог один, но лишь в определенной форме, в определенной догматической представленности и никак иначе.

Для общераспространенного представления «Бог один для всех без исключения» все эти догматические определенности кажутся несущественными, но для религий они являются сущностными. На этих определенностях религии и живут. Уберите эту почву и оставьте одного Бога – религии исчезнут, а Бог все равно останется в качестве одной из идентификационной основы нашего существа – Бог один, и мы так или иначе связаны с Ним, порождены Им, мы стремимся к единству с Богом, только в этом единстве мы обретем желанное счастье во всей его даже не вполне осознаваемой и представляемой нами полноте. Определенности религиозного плана в таком общераспространенном понимании на бытовом уровне восприятия не играют существенной роли, если мы не имеем дело с искусственным ограничением и навязанной идентичностью, которую нужно поддерживать страхом и угрозами (наказания, ада, преследования, социального отторжения, изгнания и убийства).

Цивилизационные концепции возникли первоначально как понимание культур как неких живых организмов, которые проходят законченный цикл от рождения до смерти и представляют собой локализованные замкнутые самодостаточные единицы. В этом ракурсе бессмысленно говорить о единых путях развития человечества, о некоей единой человеческой природе, присущей всем человеческим существам прошлого, настоящего и будущего, а стало быть, о единых универсалиях культуры.

Хотелось бы отметить, что цивилизационный подход в таком понимании в принципе противоречит исходным установкам русской культуры, которая никогда не стремилась к подобной самоизоляции. Даже само обращение к цивилизационному подходу было инспирировано исключительно внешними обстоятельствами как реакция самозащиты своих ценностей, своего понимания и базисных смыслов человеческого индивидуального, группового и социального бытия.

Можно сказать, что выделение некоей особой русской цивилизации – это вынужденная попытка русского мира в очередной раз спасти всеобщее единство и братство человечества путем сохранения базисных действительно общечеловеческих ценностей и системы идентичностей и сопровождающего ее процесса идентификации.

Мы были вынуждены обратиться к осознанию своей цивилизационной идентичности перед новыми вызовами времени. Но это не означает, что мы не обладали ей до того. Обладание цивилизационной идентичностью и осознание ее в качестве таковой не обязательно сочетаются друг с другом. Кроме того, осознание русским народом, Россией себя в качестве некоей особой *принципиально отдельной от других* цивилизации противоречит ее базисным смыслам.

Определение цивилизации как «достаточно устойчивые и предельно обобщенные социально-исторические единицы с четко фиксированными краями и границами в сфере общественной и духовной жизни» [4, с. 198] исходит из западного типа цивилизаций, которое так и оформлялось как нечто ограниченное, или само себя искусственно ограничивающее.

Для русской цивилизации это определение не годится, ибо не учитывает сущностно укорененную специфику русского мира – неограниченность, космичность, общечеловеческую значимость. Поэтому оно сразу вступает в противоречие с пониманием русской цивилизации. Она хоть и ограничена территориально, но она никогда не воспринимала себя как ограниченная ни в каком смысле. Она неограниченна в принципе, поскольку исходит из общечеловеческого смысла своего образования, по природе самого человека присущей всему миру и всем народам. Чтобы понять это лучше, нам будет нужно отойти от художественного живописания духовных особенностей русской цивилизации, что мы видим в большом объеме в настоящее время, и погрузиться в осознание цивилизационных фундаментальных основ русского порядка (очень точный термин в данном контексте).

С самого начала мы сталкиваемся с проблемой методологии определения цивилизации. Проблема такого определения и классификации заключается в неразработанности единой методологии, в неоднородности самих цивилизационных образований. Флиер А. Я. справедливо отмечает: «...Несмотря на наличие определенных эмпирических оснований для выделения локальных цивилизаций, в науке до сих пор не разработаны единые методологические принципы и критерии для классификации той или иной исторической общности в качестве автономной цивилизации, что представляется наиболее очевидной слабостью всех теорий цивилизаций» [7]. Но, тем не менее, есть основа, которая нам позволит как-то определять суть различий друг от друга разных цивилизаций. И этим основанием, как ни тривиально это звучит, является сам человек и структура его самоидентификации.

Есть ли вообще такая единая человеческая идентичность, согласно которой мы можем иметь критерии отнесения разных типов поведения и их мотивации к человеческим или не совсем человеческим? Или набор общих характерных признаков – прямолинейно стоять, ходить на двух ногах, уметь говорить, жить в обществе людей, учиться, разумно трудиться и т.п., – достаточно для идентификации существа в качестве человеческого?

Мы говорим о цивилизации, русской цивилизации, подчеркивая тем самым ее отличие от иных типов цивилизации. Что мы имеем ввиду при таком различении? Что именно становится определяющим признаком для различения цивилизаций? Если люди обладают одной и той же природой, если все мы люди, то тогда что означают подобные различия? Или все же люди и базисно отличаются друг от друга, и есть критерии определения степени их человечности, которые будут в корне отличаться в разных цивилизационных проектах? Люди ли люди в других отличных от нашей цивилизациях?

В 2009 году я волею судеб оказался в числе участников программы обучения йоги в верховьях Гималаев близ индийского города Уттар-Каши в штате Химачал Прадеш. Это недалеко от истоков Ганги и Ямуны, от знаменитых мест Ганготри и Ямунотри. После окончания двухнедельной программы семинара мы возвращались в одной группе с людьми с Украины. Рядом со мной

оказалась дочь двух докторов исторических наук профессоров Киевского государственного университета. Разговор вполне естественно зашел об отношениях Украины и России.

Эта девушка, видно, напрочь и тут же забыв об основах йоги, о только что полученных знаниях о принципиальном единстве человечества, о сокровенном отношении к своей подлинной атмической природе, присущей всем человеческим существам без исключения, о том, что говорит она по-русски, да и выглядит так, что от русской не отличишь даже при очень большом желании, стала доказывать мне, с выраженными малоросскими корнями, насколько другой украинский народ и как он принципиально отличается от нас, русских.

Отличие этих народов, с ее слов, настолько велико, ну, как отличаются белые от негроидной расы, как, добавлю от себя, к примеру, отличаются инки в Южной Америке, говорящие на кечуа и аймара, от племен из Западной Африки, говорящие на языке бамбара. «И украинцы, и русские по языку, антропологически, культурой, всем целиком и полностью отличаются друг от друга. Нет ничего общего», – таков был ее вердикт. Такие настроения превалировали на Украине за пять лет до начала того кошмара, в который наши соседи погрузились сейчас. И я так полагаю, именно эти идеи и породили этот хаос и эту вражду.

Что происходит в сознании людей, которые по культуре, по языку, по понятиям, по характеру отношения практически идентичны между собой, но начинают мнить себя иными? Это разве не в рамках одной и той же цивилизации происходит? Что тогда говорить бурятам и якутам, лезгинам и ингушам, калмыкам и уйгурам, живущим в России? Или русская цивилизация – это фантом? Что не так в нашей цивилизации, допускающей такие расколы и отпадения в себе? И что же, собственно, составляет суть любого цивилизационного проекта и нашего, в частности?

Размышления на эти темы, с которыми мы сталкиваемся довольно часто, живя на Юге России, естественно привели меня к постановке фундаментальных проблем цивилизации и русской цивилизации, фундирующих их проблем идентичности.

Проблема идентичности неоднозначно толкуется особенно в последнее время широкого распространения глобализационных идей. Крылов М. П. в своей монографии «Региональная идентичность в Европейской России» (2010) [3] приводит ряд мнений, в которых констатируется неразделяемая им позиция необходимости коренного пересмотра проблемы идентичности.

К примеру, Тульчинский Г. Л. считает, что проблема идентичности в эпоху глобализма существенно меняется. Идентичность уже не приобретает смысла самобытности, которая в новом свете всеобщей универсализации становится «несерьезной» утопией. «Самоидентификация, поиск идентичности происходит при этом в рамках развития коммуникационного поля, в котором «специфика» индивида, группы, социальной макросистемы проявляется (образуется) не путем формообразования некоей «самости», а, напротив, через «связь всего со всем», когда единственной относительной жесткой реальностью становится социокультурная оболочка Земли» [3, с. 59].

Эпштейн М. Н. считает обсуждение «самобытности России», «русской идеи» не серьезным, поскольку это характерно и актуально только для «примитивных» народов (терминология Леви-Стросса). «Предметом гордости для России может (или должно быть) лишь ее участие в общемировых процессах, но никак не ее «специфика»» [3, с. 59-60].

Мильдон В. И. считает, что «идея Родины относится к архаике, наряду с различными проявлениями «великодержавности» [3, с. 61]. Он пишет: «До сих пор господствуют представления о первоочередности для каждого человека державы, народа, родины, национальной или религиозной принадлежности, тогда как они все – только средства, способные (либо нет) обеспечить или гарантировать индивидуальное бытие» [5, с. 43].

Удивляют выводы этого автора. Вместо того чтобы сделать предметом анализа именно означенное им же самим *господство* данного представления среди подавляющего количества людей в России, автор навязывает *свое* мнение большинству, нивелируя значение господствующего мнения. Это недостойный прием.

Волгонова О. Д. видит изменение (или необходимость такого изменения) самого облика русской идеи. Это изменение проявляется в осознании того, что национальное начинает пониматься лишь как необходимый элемент всемирного, универсального. Русская идея как национальная идея понимается ею как «принципиальный отказ от рационального подхода к проблеме исторического пути России» [1, с. 28-52].

Здесь мы видим пример, когда русская идея определенным образом сначала истолковывается (как национальная в узком смысле этого слова – значит, только для этой нации), а затем отвергается. Но автор сам не замечает, что отвергает не саму русскую идею, а лишь свою ошибочную интерпретацию ее, которая не имеет ничего общего с самой русской идеей.

Смирнов С. Н. называет вообще химерой национальную идею. С его точки зрения, «национальная идея как феномен – пережиток прошлого. Экуменические идеи, связанные с необходимостью отвечать на глобальные вызовы человечества, идут ей на смену, и давайте не будем расходовать ресурсы нашего общества на эту химеру» [6, с. 112].

Из такого рода позиций рождаются и суждения о нецелесообразности сохранения и поддержки ряда национальных культур: «Сохранение специфических культур возможно при условии их значимости для мирового сообщества. Для этого данная культура должна быть не только внутренне богатой, но и воспринимаемой миром, нужной миру – тогда мировое сообщество будет заинтересовано в сохранении ее. ...Концентрация общечеловеческого в той или иной культуре должна быть настолько значительной, чтобы она обеспечивала возможность преодоления специфически национальных форм выражения общечеловеческого» [2, с. 175]. Такого рода позицию отстаивают Эпштейн М. Н., Баткин Л. М., Тульчинский Г. Л.

Иногда диву даешься, насколько циничны глобалистские «общечеловеческие суждения». Кто будет судьей нужности мировой культуре какой-либо национальной культуры? Кто будет от имени мирового сообщества определять судьбу сотен и сотен локальных культур? Разве представители этих локальных культур не входят в состав мирового сообщества? Где критерии эффективности, нужности, целесообразности? Ужасающий скрежет звучания адской машины нацизма под ликом глобализма очень явственен среди этого стройного, однотипного и безликого хора голосов нынешних сторонников унифицирующего глобализма.

Мы стоим на иных позициях. Говоря словами Щипкова А. В.: «Идентичность и традиция – это неприкосновенный культурно-исторический ресурс...» [9, с. 433].

Каждая религия имеет в своей основе три базисные составляющие – догматику, этику и таинства (обряды). Подобно этому и любая цивилизация имеет в своей основе три столпа – идентификацию, ценности, культуру в многообразии ее форм проявления.

Основами, выполняющими роль фундаментальных, являются идентификационная система и непосредственно связанные с ней ценности с ориентирами, нормами и идеалами. Это то, что я называю цивилизационным кодом любой цивилизации. Культура, религии, даже язык могут меняться, от этого цивилизация может меняться по своей форме. Но она будет существовать до тех пор, пока сохраняется неизменным ее цивилизационный код. Он имеет идентификационный и ценностный характер, который полностью определяет культуру в ее смысловом содержании и внешне проявлен в разнообразных особенностях, формах и феноменах культуры.

Смысл ценностей укоренен в системе идентичностей. Терминологически и дефинитивно ценности в разных системах могут быть одни и те же. Но это не делает их общезначимыми и общечеловеческими. Поскольку более объемный дескриптивный смысл данных ценностей может сильно отличаться и, как правило, отличается. И этот ценностный камертон всегда тревожными сигналами напоминает нам о различии основ и заставляет нас не расслабляться и поддерживать свою идентичность.

Не ценности базисны в обществе, их смысл меняется в зависимости от конфигурации базисных идентичностей личности и общества. Это всегда нужно понимать, чтобы не оказаться в опасности подмены смыслов из-за подмены основы.

Если обратиться к имеющимся исследованиям, то на их основе можно вычлениить две группы внутренних идентификаторов русского национального духа. Первая группа обращает наше внимание на способности человеческого духа – совесть, способность любить, чувство родины, вера в Бога, чувство справедливости, бескорыстие, щедрость, жертвенность и т.д. Вторая группа охватывает социальные и духовные институты в их традиционном смысле – семья и род, малая и большая родина, государство, цивилизация, человечество, божественная реальность.

Ильин, к примеру, подробно рассматривает совесть, любовь, родину, семью, православие, духовность, духовную жизнь, любовь к родине, здоровый национализм и патриотизм, сверхнационализм и т.д.

Здесь нужно сделать замечание. Как бы красиво ни звучали идеи о приоритете совести, вселенской интуиции, духовности, чувстве любви к родине, или, выражаясь словами Ильина, о «духовном органе», способном верить и любить, все же они страдают односторонностью, не характерной для духовности и для русского духа.

Духовность отличается своей целостностью, тем, что человек представлен в ней целиком, полностью, со всеми своими способностями, структурами сознания. И как только мы наблюдаем возвеличивание одних способностей над другими, тут и получается основа не для единства, а для разъединения, для появления противоположной позиции, которая будет возвеличивать иные структуры сознания и характерную проявленность их в мире. Характерной особенностью русского мира должна быть не очередная деформация в представлении цельного человеческого существа, а именно восстановление его цельности, в которой все его богом данные способности будут проявлены целокупно и состоять в гармоничной взаимосвязи. Духовность призвана не возвеличить веру над разумом, любовь над остальными способностями человеческого духа, совесть над интеллектом и рассудком, а гармонизировать человеческое существо.

Когда мы воспеваем духовную силу совести, веры, любви, игнорируя при этом рассудок и интеллект, то мы опять попадаем в опасную ситуацию потери и разрушения всего этого воспетого нами. Разве не слабость интеллекта людей позволила кучке интеллектуалов заморочить головы почти всего народа в 1917-1920 годах и убедить его отказаться от этой самой веры, совести, любви, деформировав и трансформировав их до неузнаваемости. Вера стала верой в иные идеалы, в которых не было места высшему, Богу. Совесть и любовь стали классовыми, очень легко совмещавшимися с ненавистью, где постепенно последняя вытеснила любовь и саму совесть из сферы повседневности и принципиального сущностного целеполагания. Понадобилось много времени, чтобы совесть и любовь приспособились к новым реалиям и вновь ожили и стали движущей силой русского (советского) мира.

Гуманизм эпохи Возрождения оказался деформирующим человеческую природу отказом от всей сферы, связанной с верой, поскольку эта сфера в Средние Века так сильно была выставлена на первый и зачастую единственный план и так сильно исказила природный облик человеческого существа, что это вызывало естественное и понятное отторжение. Но и сам гуманизм не внес гармонизацию, а предложил замену одной деформации на другую. Характерное воспевание только духовных особенностей русского мира очень напоминает попытку христианского фундаментализма вновь вернуться к ситуации, породившей первую деформацию. Я считаю это ошибочной тенденцией. Человеку нужно вернуть гармоничное целостное существо, все его способности, которые только в гармонии единства и взаимосвязи друг с другом могут дать нам то, что вложил в нас господь Бог.

Русский цивилизационный код в отношении индивидуальной человеческой идентичности заключен в гимне целостной природе человека, где в стройном хоре поют в согласной гармонии красивую песню все его составляющие – тело с его силой, чувства с их яркостью, воля с ее мощью, рассудок с его сноровкой и находчивостью, интеллект с его силой тонких различений, интуиция с ее пронизательностью, совесть с ее покаянностью и желанием жить в согласии с законами природы и Бога, духовный разум с его способностью постигать духовные предметы, вера с ее способностью объять и принять безграничное, любовь с ее способностью принять весь мир в его добром и прекрасном. Если мы говорим (а говорим далеко не только мы об этом), что русский мир отличается своим вселенским характером, то и человек в этой модели должен быть полноценным, а стало быть, живым, здоровым, неисколенным попытками деформации человеческой природы.

Это что касается индивидуальной человеческой идентичности. Она не существует и в принципе не может существовать сама по себе. Данная идентичность определена всей структурой социальных идентичностей, которыми располагает человек.

Базисная идентификационная структура русского человека – это идентификация себя с полноценным человеческим существом со всеми его способностями, со своим природно данным полом (к сожалению, наше время вынуждает говорить и об этом), со своим родом и традиционной семьей с мамой-женщиной и папой-мужчиной, со своим этносом, со своей религией, с малой родиной (регионом происхождения и проживания), с большой родиной (страной происхождения), страной проживания и со своей цивилизацией (поскольку русский мир выходит и за пределы ныне существующих даже русскоговорящих стран), со всем человечеством и с высшей духовной божественной единой для всех реальностью. Каждая эта идентичность не самостоятельна в этой системе и не является и не должна быть базовой, являясь лишь сущностно необходимым элементом в общей базовой структуре идентичностей.

Что же является базовым в данной системе? Это их взаимосвязь между собой. Именно существенное взаимопереплетение между собой данных идентичностей и определяет в конце концов весь их смысл и не дает каждой из данных элементов деформировать общую систему русского мира. Как только данная система лишается одного из данных элементов или делается умышленный дисгармоничный акцент на одном из элементов, она начинает быть неустойчивой и пониматься иначе, превратно.

Это легко проверить. Уберите из этой цепочки духовную составляющую, и будет совершенно не понятна связь нашей страны и всем человечеством после всех войн, которые пережила наша страна. Потеряют связь между собой и этносы с единой страной, в которой они пока вынуждены жить. При праве на самоопределение только сознание выгоды («так пока безопаснее и лучше») начнет определять их совместное пребывание. Изменяются условия, и это единство сразу пошатнется. Крушение СССР это показало очевидно. Уберите духовную составляющую, и мы получим стремление глобализма с его попыткой смести и нивелировать все этнические,

языковые, культурные, религиозные различия, уничтожить институт традиционной семьи, сознание пола и прочее.

Можно не убирать из данной структуры некоторые элементы, а делать преднамеренный акцент на усиленном развитии какого-либо одного из них при минимизации значения остальных. Это также приводит к дестабилизации, деформации и даже трансформации идентичностей человека и его системы ценностей.

Сделайте акцент на вашей этнической идентичности, да еще усильте этот акцент ненавистным противопоставлением какому-либо близкому и родственному этносу, как это сделано на Украине, и вы можете в данное время в режиме он-лайн смотреть, что из этого получается на практике. Та девочка, дочь двух профессоров-историков из Киева, о которой мы писали выше, прекрасно демонстрировала эту позицию на словах, а мы видим сейчас, к чему это приводит на практике.

В последнее время в российской культурной политике наблюдается новый тренд - делается усиленный акцент на формировании гражданской идентичности. Понятно, что это делается из благого стремления выйти из круга сильных центробежных этнокультурных тенденций в стране. Но формирует ли эта гражданская идентичность без понимания ее глубоких духовных и общечеловеческих корней стабильное общество? Нет, конечно. Человек с так развитой гражданской идентичностью с легкостью выберет иную гражданскую идентичность в другой стране, в которой ему лучше. В его структуре идентичностей при этом существенно ничего не меняется. От изменения формы сущность не меняется. Вспомним, сколько миллионов наших граждан сразу уехало из разрушившегося СССР. И это при том, что еще за несколько лет до этого сложно было уговорить простых советских людей поехать за границу в какой-нибудь круиз по другим странам. Кроме того, выбор гражданской идентичности в качестве основной легко сочетает (а стало быть, и уничтожает) любовь к своей стране с ненавистью ко всем другим странам, враждебно настроенных к нам. Это порождает национальную спесь, настроения дешевой бравады ура-патриотизма, сознание исключительности и прочие негативные тенденции.

Или сделайте преднамеренный акцент только на религиозном элементе, как это делается во многих околорелигиозных или религиозных направлениях, и человеку уже будет не важны страна, в которой он живет, семья, из которой он вышел, малая и большая родина превратятся для него в пустой звук.

В России сейчас делается также сильный акцент на развитии патриотизма. Некоторые авторы местный и российский патриотизм даже приравнивают к общероссийской идентичности**. К чему это приводит, мы видим на примере современной Украины. Там ведь все творится на основе патриотизма – местного и национального. Патриотизм стал сущей бедой Украины, вместо того, чтобы быть основой ее процветания. Когда патриотизм становится единственным базисом существования нации, он в состоянии лишить ее человеческого достоинства. Патриотизм без понимания духовной взаимосвязи своей нации, всех других наций в мире и Божественной реальности становится слепым, опасным и разрушительным.

Сделайте акцент на развитии этнического самосознания в полиэтничной стране, и центробежные силы в государстве начнут сильно раскачивать государственный корабль.

Вышеприведенные позиции Тульчинского, Эпштейна, Мильдона, Волкогоновой, Смирнова представляют собой как раз принятие одной из идентичностей человека в качестве базовой. У Тульчинского, Эпштейна и Смирнова такой идентичностью выступает все человечество («социокультурная оболочка Земли», «общемировые процессы»), у Мильдона – «индивидуальное бытие» человека, у Волкогоновой – национальное и общечеловеческое (она правильно видит необходимую взаимосвязь между национальным и общечеловеческим, но превратно понимает саму русскую идею как сугубо национальную и не видит ее духовную основу).

Этот же подход позволит нам с легкостью определять существо различий между разными цивилизациями и перестать терять силы и время на бессмысленные споры и дискуссии о культуре и ценностях с людьми, стоящими на иной идентификационной основе.

Поэтому главным в системе идентичностей русского цивилизованного мира являются не его элементы – человек, семья, род, этнос (племя), народ, нация, человечество, духовность (Дух, Абсолют, Бог, Совесть и Вера), - а взаимообуславливающая связь между ними. Именно эта взаимосвязь и определяет существо каждого из этих элементов и позволяет или не позволяет исказить их традиционный устоявшийся в веках смысл.

Точно так же, как взаимосвязь между всеми способностями человеческого духа, сознания и тела в их гармоничном взаимодействии и поддержке друг друга определяет полноценное индивидуальное развитие человека, так гармония между всеми идентичностями определяет целостное развитие человека как социального существа. Такая взаимосвязь на индивидуальном, социальном и духовном уровнях идентификации и определяет сущность русского цивилизационного кода. Это полностью определяет и существо ценностей, норм, идеалов данного субъекта и общества и смыслы его культурного творчества.

В этой связи понятны и не выглядят некими самовосхваляющими гимнами из серии «я горжусь собой» все идеи о вселенском масштабе основ русской культуры и русского мира. В эту систему идентичностей спокойно без всякого ущерба для себя укладываются все существующие традиционные этнокультуры при сохранении своей привычной идентичности.

Поскольку мы говорим о русской цивилизации и ищем подходящие определения и формулировки для ее характеристики, я бы предложил в основу русской цивилизации положить понятие русского гуманизма, как особого целостного понимания человека, целостной взаимосвязи его идентичностей, его ценностей, норм и идеалов и его культуры, традиционно характерной для русского мира.

Особенность этого понимания заключена во всеобъемлемости, целокупности, в гармоничной связи всего, что дано Богом человеку в качестве его способностей и чистых духовных качеств,

ценностей, норм, идеалов, традиционных форм социальной организации жизни, что несет всему миру мир и благоденствие. Это же будет свидетельствовать о главной цели функционирования русской цивилизации – создать все условия для полноценной всесторонней творческой реализации человека в любых культурах во взаимосвязи индивидуального, социального и духовного планов. И не нужно настороженно относиться к именованию гуманизма русским. В каждой цивилизации заложен свой тип гуманизма, определенный своим пониманием человека и характерной структурной конфигурацией его идентичностей. Русский гуманизм можно назвать общечеловеческим в силу его общезначимой целостности.

С точки зрения способностей, это означает гармоничное развитие всех способностей человека, включая совесть, веру, интеллект, рассудок, отвечающего за координацию работы всех органов чувственного восприятия, развитое эстетическое начало, разнообразные творческие способности.

С точки зрения социальных институтов, происходит убедительное и для интеллекта расширение сферы духовности – начиная с индивидуальности человека, его внутренней ответственной свободы, творческой самореализации, проходя через семью, род, этнос, народ (нацию), человечество, завершая божественной реальностью. Когда все эти элементы перестанут восприниматься сознанием любого человека как самостоятельные и самостийные, самодостаточные, тогда станут понятны и приятны слова Ильина о выражении божественно великого через форму малого – индивидуального, этнического, народного. Тогда семьи, этносы, нации принципиально получают свою постоянную прописку в структуре глобального общечеловеческого и вообще всего божественного мира.

Задача русского гуманизма – человеку вернуть человека во всей его богом созданной целокупности, с развитыми интеллектом и рассудком, развитой телесностью, развитыми эстетическими чувствами и нравственностью, развитыми совестью, интуицией, «духовным органом восприятия», развитыми разнообразными творческими способностями, развитыми верой в высшее и знанием-мудростью о вечном и своем подлинном предназначении. Главной ценностью русского мира является человек в его полноте, цельности, гармоничности как на индивидуальном уровне, так и во взаимосвязи всего объема социальных идентичностей.

Если бы мы учитывали и опирались на традиционную и укорененную в русском самосознании структуру идентичностей, то мы бы выстраивали и политические и экономические формы жизни гораздо более эффективно. Политика непрекращающейся модернизации (сколько уже волн ее пережило российское государство за последние века?) говорит лишь о том, что нынешняя действующая форма социальной организации не совсем органична русскому сообществу.

* «Религия, - пишет Межуев, - является как бы последней границей между разными цивилизациями» [4, с. 198]. «Центральными элементами любой культуры и цивилизации, - считает Хантингтон, - являются язык и религия» [8, с. 34].

** «Местный (региональный) патриотизм нами трактуется как внутренний ресурс российской идентичности в целом. Местный патриотизм, наряду с российским патриотизмом, тождественен позитивной российской идентичности» [3, с. 70].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Волкогорова О. Д.* Есть будущее у русской идеи? // Мир России, 2000, №2 с. 28-52 // цит. по Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010, с. 62
- [2] Глобальное пространство культуры. Материалы международного форума 12-16 апреля 2005 г., СПб.: Издательство СПбГУ, 2005 // цит. по Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010, с. 66
- [3] *Крылов М. П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010
- [4] *Межуев В. М.* Российская цивилизация // Теоретическая культурология. М.: Академический Проект. Екатеринбург: Деловая книга, РИК, 2005, с.196-208
- [5] *Мильдон В. И.* Русский ренессанс, или фальш Серебряного века // Вопросы философии, 2005, №1, с. 40-51 // цит. по Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010, с. 59-60
- [6] *Смирнов С. Н.* Не своевременные мысли о России // Мир России. 2004, №4, с.102-114 // цит. по Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010, с. 62
- [7] *Флиер А. Я.* Цивилизация / Энциклопедия культурологии // Электронный ресурс. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/751/%D0%A6%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF
. Дата обращения: 09.11.2016
- [8] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. №1 с. 34 // цит. по Межуев В. М. Гуманизм и современная цивилизация // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2014, с.35-57
- [9] *Щипков А. В.* Наследие Ивана Ильина и проблемы русской идентичности // Творческое наследие И. А. Ильина: вопросы общенациональной политики и культуры. Сборник материалов международной научной конференции «Национальный вопрос в творческом наследии Ивана Ильина. Смысл и цель общенациональной и культурной политики». К 60-летию со дня смерти Ивана Александровича Ильина. М.: Институт Наследия, 2015, с. 427-435

Гуцалов Александр Анатольевич,

кандидат философских наук,

ведущий научный сотрудник Южного филиала

Российского института природного и культурного наследия

имени Д. С. Лихачева (Краснодар),

e-mail: Gutsalov_alex@mail.ru

Gutsalov A.

RUSSIAN CIVILIZATION`S CODE – IDENTITY, VALUES, CULTURE

Abstract. The article considers the problem of Russian civilization. The proposed definition of civilization`s code, which is seen in the relationship of three components – identity, values and culture. Identity considered at three levels – individual, social, and spiritual. The proposed concept of Russian humanism, which aims to return the person to the harmonious integrity in relation to all the abilities of consciousness and interrelated complex of traditional identities. Theoretical calculations allow us to draw some important practical conclusions and recommendations for cultural policy in Russia.

Key words: identity, identification, civilization, Russian humanism, spirituality, code of civilization, patriotism, values, culture, civic identity.

Gutsalov Alexander Anatolievich,

PhD in Philosophy,

leading researcher of the Southern Branch

of the Russian Scientific Research Institute for Cultural

and Natural Heritage named after D.Likhachev (Krasnodar),

e-mail: Gutsalov_alex@mail.ru